

Он устался в землю, длинные чернильные локоны скрывали его лицо от посторонних глаз. Медленно он поднял лицо и посмотрел на Дамблдора.

"Если ты играешь с огнём, то обожжёшься". Он зашипел, изумрудные глаза властно сверкнули. В его глазах не было блеска, скорее они горели и бушевали в неумолимой суматохе.

Черное пламя в комнате вспыхнуло и закружилось в опасной близости от некоторых директоров. Финеас Нигеллус с восхищением и узнаванием смотрел, как крестник его прапраправнука продолжает уничтожать кабинет директора.

И снова.

"Ты всегда просишь прощения, но никогда не задумываешься, когда снова совершаешь проступок".

"Я могу только просить у вас прощения. Я делал только то, что считал нужным, для блага всех нас".

Гарри горько улыбнулся.

"Ты и твоя проклятая логика, твои ужасные недостатки и твои слепые предрассудки! Ты решил поиграть в Бога, и Бог наказал за это мир. Ты думал играть с миром как с пешкой, и мир плюнул тебе в лицо. Ты думал любить меня, а чуть не погубил. Ты сидишь на своем белом троне, облаченный в священный свет, и борешься за свои проклятые идеалы. Ты спасаешь рыбу из моря и топишь мир в его слезах".

"Ты совершил ошибку с Риддлом; ты надавил, когда должен был помочь. Вы продолжаете совершать ту же ошибку со мной. Я могу иметь тревожные сходства с Риддлом, но я не он. Если я скрываю от вас информацию, знайте, что на это есть веская причина. Люди не всесильны, и я не понимаю, почему вы должны даже думать о том, чтобы попытаться это сделать. Морриган - союзник моей Семьи. Я никогда не просил участвовать в этой войне, и меня не будут толкать туда, куда я не хочу".

"Мне ужасно жаль, что до этого дошло". скорбно сказал Дамблдор. От злости Гарри почувствовал, как при этих зловещих словах в нем зародилась спираль беспокойства.

"Обливиэйт!"

"Гарри, твои проступки не могут остаться безнаказанными. К счастью для тебя, отстранение от занятий, как это должно быть в случае, если ученик покидает территорию школы, не является приемлемым вариантом. Ты получишь месяц заключения и 70 баллов от своего факультета. Я надеюсь, что если Вы когда-нибудь почувствуете необходимость вмешаться в подобные дела, Вы найдете либо меня, либо профессора, которому сможете довериться. Только работая

вместе, мы можем надеяться выжить в эти тёмные времена".

Гарри кивнул, его глаза с любопытством затуманились.

"Я понимаю, директор".

"Тогда очень хорошо. Я позволю вам насладиться остатком выходных, а завтра после ужина вы явитесь к профессору МакГонагалл для отбывания наказания".

Гарри медленно встал.

"Если это все?"

"Да, конечно, мой мальчик. Помни, что моя дверь всегда открыта, если у тебя возникнут какие-либо вопросы".

"Спасибо, директор, я буду иметь это в виду".

Гарри спокойно вышел, его шаги гулко отдавались по винтовой лестнице. Горгулья только хрюкнула, возвращаясь на место.

Гарри спокойно начал обычную проверку на наличие неизвестных заклинаний на его лице. Любопытно, что их было два: одно, похоже, принадлежало ученику, а другое, несомненно, было создано более мощным взрослым. Похоже, люди стали интересоваться Гарри.

Гарри неторопливо вошёл в башню Гриффиндора, кивнув нескольким любопытным взглядам, находившимся в Общем зале. Он грациозно направился к своей комнате. Он отменил заклинание слежения за студентами и осторожно перевел более сложное заклинание слежения на Тревора, жабу Невилла. Жаба лишь слегка дёрнулась во сне, после чего заклинание успокоилось.

Так же спокойно он покинул Башню и стал пробираться по различным тайным ходам, пока наконец не оказался перед туалетом для девочек на третьем этаже.

В Тайной комнате он осторожно перепробовал один из своих менее ценных кинжалов. На мгновение он уставился на холодную сталь.

Развернувшись, он метнул кинжал в стену.

"УБЛЮДОК!"

Кинжал вздрогнул от удара о каменную кладку.

Конец эпохи

Если жизнь предназначена для того, чтобы ее прожить, почему многие проводят ее в ожидании. Ждут любви, ждут удачи, ждут мира. Всегда ждать, всегда ждать того другого момента, той другой неосязаемой секунды.

Гарри был ребёнком, когда впервые узнал о масках, которые носят люди. Под присмотром родственников он быстро утратил свои идеалистические взгляды. Позже он узнал, что людей беспокоит, когда они понимают, что он смотрит на них усталыми глазами. Видимо, святость детства была дорога массам. Гарри полагал, что это было единственным серьёзным отклонением Дурслей.

Дурсли были единственным серьёзным отклонением от "нормальности". Это и их племянник-волшебник.

По глупости он надеялся, что волшебники не такие, как все, и в какой-то степени доверился своим магическим спасителям. В конце концов, тот, кто так сильно беспокоил Дурслей, не мог быть таким уж плохим. Со временем он смирился с тем, что волшебники - такие же люди, как и маглы, и даже они носят лица, скрывающие истинную сущность. Не стоило удивляться, когда Альбус Дамблдор обнаружил трещины в своей маске. Но даже он не видел, что скрывает маска Дамблдора.

Теперь он видел всё слишком ясно.

С одной стороны, он не мог винить Дамблдора. Даже ему было бы трудно не пожертвовать одной жизнью в обмен на мир. Гарри просто не мог примириться с тем, что в жертву будет принесена именно его жизнь.

Иногда, очень часто, Гарри задумывался, по какому пути он идёт. Если Дамблдор должен был стать Светом, то почему Гарри молчал, когда впервые начал открывать в себе силы, которых должен был бояться Волдеморт. Если Дамблдор был Светом, почему он принёс в жертву жизнь ребёнка?

Предали ли Гарри или он сам был предателем?

Кто кого осудил? На самом деле все они были виновны. Если бы Гарри был настоящим Спасителем, он бы отдал свою жизнь Ордену; рассказал бы им все свои секреты, чтобы они могли использовать его как оружие и в конце концов так или иначе установить мир. Если бы Гарри никогда не отталкивался от событий своего детства, он стал бы Тьмой, пророчество о которой было равносильно пророчеству о Волдеморте. Но все обрекли его на то, чем он не был уверен, что хочет быть. Волдеморт отметил его как дитя Света, противопоставив ему Тьму. По недосмотру Дамблдора он часто оставался один на один с Тьмой. В море Тьмы могло сиять

только столько Света, что в конце концов он померк без подпитки. У него всегда было так мало причин, так мало топлива для того, чтобы оставаться непоколебимым в Свете.

Неужели Дамблдор настолько хотел сохранить трепетные отношения с Гарри, что прибегнул к хитрости? Или же старик просто не мог допустить, чтобы личность праведного светлого мага померкла в глазах его самой непостоянной пешки?

Гарри не знал. Он знал только одно: что-то изменилось навсегда в тот момент, когда Дамблдор поднял свою палочку против Гарри.

Но он отвлекся.

Было более чем странно и слишком пугающе, когда чары памяти не сработали. Это был один из сильнейших волшебников в мире. Он занимался магией более ста лет. Заклинания вроде Obliviate просто не могли не сработать, когда их произносил кто-то его уровня. По крайней мере, они не срабатывали естественным образом, что позволяло Гарри предположить, что виновником была какая-то странная причина.

Гарри знал только, что от этого у него будет болеть голова. Пока что в его книгах не было ни одного случая, чтобы Обливиэйт не сработал по правдоподобной причине. Дамблдор, конечно, не в первый раз применял это заклинание, значит, виновато что-то другое.

Он уже чувствовал, как нарастает головная боль. А в Хогвартсе он не мог обратиться к кому-либо за помощью. Слишком много вопросов возникнет, и мало кто поверит ему.

Вот черт.

<http://tl.rulate.ru/book/98115/3338440>